

Девочка в гараже. Реальная история приемной мамы

Автор:

[Дебра Мерк](#)

Девочка в гараже. Реальная история приемной мамы

Дебра Мерк

Добро побеждает. Истории на пределе

Если вы увидите ее в супермаркете или на улице, то подумаете – обычная женщина. Никто не скажет, что она в одиночку борется со злом в этом мире. Не как супергерои из фильмов. По-другому.

Однажды Дебра подумала: вот, у меня есть дом, есть еда на столе, а у некоторых детей ничего этого нет. И тогда она поняла, что смысл ее жизни – воспитывать приемных детей. Детей, которых забрали у трудных родителей. Детей, которые никогда не знали, как это – жить в счастливой семье.

Так в ее доме появилась маленькая Ханна. Ей было 4 года. Она была как затравленный зверек. Молоко с печеньем перед сном, свои заколки и игрушки, ласка и объятия мамы – малышка долго не могла привыкнуть, что так бывает.

Но все рухнуло в один день. На пороге их счастливого дома стояла настоящая мать девочки. Она взяла Ханну за руку и увезла с собой, и Дебра не могла ее остановить.

Но это – только начало истории.

Дебра Мерк

Девочка в гараже

Реальная история приемной мамы

Murder, Motherhood, and Miraculous Grace: A True Story

Copyright © 2019 by Debra Moerke. All rights reserved.

Published by arrangement with Tyndale House Publishers, Inc.

© Tyndale House Publishers, Inc.

© Сапцина У.В., перевод на русский язык, 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Предисловие

Я увидела обложку этой книги – и мое сердце остановилось. Словно и не прошло двадцати лет с того далекого звонка, разорвавшего ночь. Ту ночь, когда звонивший сказал, что моего единственного ребенка, выпускника Военно-морской академии США, не получившего ни упрека за всю свою службу, арестовали: он убил первого мужа своей жены. На меня накатил тошнота. Тело вдруг налилось свинцом и стало неподъемным; нежданная весть ввергла в шок. Я не могла ей поверить. Меня окутал страх – страх за свое дитя. Что ему грозит? Что ждет его жену, двух его падчериц? Голова шла кругом, мир словно плыл в тумане, я утратила власть над мыслями. Вопросы, вопросы, вопросы... Они окружали меня, они были повсюду... Господи Боже, благой, милосердный, как Ты мог допустить такой ужас? Чем нам платить за адвоката? Где брать деньги на

жизнь, когда о случившемся узнают все? И ведь у убитого осталась семья... Как мне их жаль! Бедные, бедные! Ясно было одно: жизнь никогда уже не станет прежней.

В нашей жизни есть вехи: они меняют все. Телефонный звонок, сотрясающий основы мира. Ребенок – родившийся или усыновленный. Случай, требующий проявить характер. Пагубный выбор, ведущий в тюрьму. Нежданные болезни, приносящие страдания любимым. Крушение веры, когда кажется, что Бог позволяет злу торжествовать. Волнующее до глубины души решение помочь тому, кто предал. Готовность простить то, чего простить нельзя.

А порой кажется так: словно резкий удар по тормозам, дикий скрежет – и все замирает, а ты как будто смотришь со стороны, и сам – уже не в реальном мире, а на самом ее краю, ты выброшен на обочину и остаешься там, в плену своих мыслей, путаных и противоречивых:

Да нет же, этого просто не может быть.

Я проснусь, и это будет сон. Всего лишь страшный сон.

А если это правда? Если это все правда? Что же мне тогда делать?

И можно ли было хоть что-то сделать? А если можно? И что, тогда бы этой беды не произошло?

Что от меня нужно Богу? Мое участие? Зачем? Зачем ему я?

Как это отразится на моей семье?

И что обо мне подумают люди?

И лишь мудрость позволит нам в полной мере осознать, что именно случилось, какая роль в этом отведена нам и к каким действиям, – возможно, выводящим за пределы нашей зоны комфорта или намного превосходящим наши человеческие способности, – побуждает нас Бог.

Дебра Мерк и Эл, ее муж, шестнадцать лет проходили эти испытания. Все эти годы двери их дома – и двери их сердец – были открыты детям. Сто сорок детей – нет, даже больше – переступили их порог. Дебра была уверена в том, что знает, к чему призвал ее Бог. Она с радостью встречала испытания и муки, приходившие в ее жизнь вместе с этими израненными детьми. А потом с их ненаглядным, любимым ребенком, которого они берегли как зеницу ока, о котором молились в надежде защитить, – случилось невыносимое.

Пути Господни неисповедимы, и никто был не в силах постичь их в тот миг, когда эта жуткая трагедия, рвущая душу, обрушилась на семью, которая столь преданно делилась с беспомощными детьми любовью Божьей. И Дебра понимала еще меньше в тайне путей Господних, когда Бог призвал ее к еще более тяжкому, самоотверженному послушанию – совершенно для нее невозможному на уровне земного, человеческого бытия.

Не раз ей казалось, что это предел, что она у последней черты – но она преодолевала ее и шла все дальше, шаг за шагом, по своему новому пути. Снова и снова от нее требовалось прощать, рисковать и открывать свое израненное сердце – прежде она и помыслить о таком не могла. Ее история – не только о том, как она встречала свои страхи лицом к лицу и билась с исполинами, и не только о том, как она непостижимо прощала, и не только о чудесах, приходивших в ее жизнь вместе со смирением... Нет, ее история – о тех деяниях, на какие способен лишь Бог. История эта слишком поразительна, чтобы сразу в нее поверить – но все же она правдива, и чем дальше ее читаешь, тем большая роль в ней отводится Богу.

Мой сын в тюрьме до конца своих дней. Права на досрочное освобождение ему не дали. Я приняла это, я живу с этим, и я учусь, все лучше понимая то, что Бог часто являет свои намерения, когда мы смотрим в минувшее – «в зеркало заднего вида», сказала бы я, если так можно сказать о времени. И порой, когда мне кажется, будто Он занят другими делами и не замечает, в чем я имею нужду, – Он вдруг отвечает на мои молитвы совсем не так, как я хотела или ожидала. Бог не заменил пожизненное заключение моего сына ограниченным сроком – но открыл ему другие двери: теперь он служит заключенным и их семьям через нашу благотворительную организацию Speak Up for Hope («В защиту надежды»). Пережитая боль сделала меня чуткой к нуждам других. Я готова дарить любовь и сострадание семьям, с которыми познакомилась в длинных тюремных очередях в дни свиданий. Я вижу, как мой сын направляет свои знания, способности лидера и христианскую нравственность на то, чтобы

учить и наставлять товарищей по заключению. И я, как и Деб Мерк, чувствую, сколь милосерден Бог в жестокие минуты нашей жизни.

Если вы жаждете уверовать в любовь, преодолевающую все преграды, и готовы увидеть, что совершает Бог, когда все словно свидетельствует против самого Его существования; если хотите стать свидетелем силы искреннего прощения и готовы поразиться тому, на что способен лишь Бог, – прочтите эту книгу! И вы узрите свет Божий даже в самые темные и мрачные времена.

Поистине, эта книга – история триумфа Деб Мерк. И когда вы будете ее читать, спросите себя – может быть, рядом с вами есть те, кому эта поразительная история подарит силы, радость и счастье? И тогда вы укажете им на вечность, из которой нам – обратной стороной послушания – является благодать.

Кэрол Кент,

Оратор и автор книги

«И жертвую я Исаака моего»

(When I Lay My Isaac Down, NavPress)

Примечание для читателя

История, которую вы прочтете, произошла на самом деле. В ней я полагаюсь не только на свою память, но просматривала материалы суда и газетные статьи, а также расспросила ряд причастных лиц – ради как можно большей точности. Я благодарна всем, кто участвовал в этом процессе.

Наряду с точностью, честностью и открытостью я высоко ценю вежливость, конфиденциальность и защищенность. Вот почему я решила рассказать свою историю так, чтобы не нарушить приватность одних людей и не подвергать других риску публичности или опасности. Ведь речь здесь о приемных детях и об Управлении по делам семьи, об убийстве и суде, о тюрьмах и арестантах, а

также о деликатных обстоятельствах.

И вот как я скрыла личные сведения:

– имена детей вымышлены – в том числе и имя одного из моих. Остальные разрешили мне назвать их настоящими именами.

– имена юристов, сотрудников Управления по делам семьи и должностных лиц вымышлены или не указаны.

– «Карен», сыгравшая значительную роль в этой истории, получила псевдоним.

– имена родных, друзей, коллег и других людей, связанных с Карен, тоже изменены.

Многие люди позволили мне указать в тексте их настоящие имена, за что я им признательна.

Доверительные разговоры и подробности событий частной жизни я воссоздала так точно, как только смогла, и я благодарю всех, кто разрешил привести в книге их слова. Иногда я вносила поправки – для связности и целостности текста – но весьма незначительные.

Дэбра Мерк

Пролог

– Мам, можно мне в торговый центр вместе с Кэтрин?

В то утро было тепло. Стоял июнь 2012 года, у Кортни только что начались летние каникулы. Температура в Каспере, штат Вайоминг, росла, но вода в озере Алкова-Лейк еще не прогрелась, купаться в ней было нельзя, и излюбленным местом подростковых тусовок оставался торговый центр.

- Ее мама нас подбросит...

- А я подхвачу, - закончила я. Кортни уже исполнилось тринадцать, и я разрешала ей глазеть на витрины и обедать с подружками в ресторанных двориках без бдительного ока старших.

Позднее в тот же день, выезжая забирать Кортни и Кэтрин из торгового центра, я подумала: а устрою-ка я дочке «вечерний девичник» с кино и фаст-фудом! Ей будет по душе, я знаю! Чуть раньше на неделе мы развлекались большой компанией, вот я и решила, что мы заслужили право на вечер вдвоем.

Стоянка у торгового центра была забита. Я подвела машину к главному входу, где мы условились встретиться с Кортни. Там кучковались подростки. Помахав рукой, чтобы привлечь внимание Кортни, я заметила, что кое-кто из ребят обернулся и стал указывать в мою сторону. Лица подростков показались знакомыми.

Вдруг я спохватилась: а это случайно не двое из детей Бауэров? Сердце пропустило такт. Полной уверенности у меня быть не могло: я их уже почти шесть лет не видела - с тех пор, как еще жила в нашем прежнем доме. Я чуть замешкалась, но все так же улыбалась и подавала знаки Кортни. Наконец она высмотрела меня в ряду машин, подошла и села на переднее пассажирское сиденье нашего внедорожника.

- Привет, солнышко! Весело было? А где Кэтрин? - спросила я.

- А, ее мама забрала несколько минут назад. Они куда-то идут ужинать, вот она и уехала пораньше, - голос Кортни звучал невнятно, вела она себя слишком тихо для подростка, который только что провел несколько часов с друзьями.

- А с кем ты говорила? Кто эти ребята?

- Да так... просто ребята. Одни из школы, другие здесь живут, в Каспере, - она пристегнулась ремнем и смотрела прямо перед собой. Что-то случилось. Чего-то ей наговорили. Я чувствовала. От страха у меня завертелись мысли.

- Ты в порядке? - спросила я.

– У меня все хорошо. Немного устала.

Почему Кортни отводит глаза?

– Я тут подумала: может, перекусим где-нибудь, а потом махнем в кино? Папа ведь все равно допоздна на работе. Ну как, согласна? – Мне казалось, идея поднимет ей настроение.

– Да! Было бы здорово. Поехали, – теперь она стала больше похожа на себя прежнюю.

Перехватив по бургеру, мы выбрали фильм, который обе хотели посмотреть. С попкорном и напитками в руках мы расположились на наших местах в последнем ряду и ждали, когда кино начнется. И вдруг она ни с того ни с сего спросила:

– Мам, а как зовут моих родных братьев и сестер?

Тут мое сердце пропустило два такта.

И тогда я все поняла. Двое подростков, которых я видела рядом с Кортни возле торгового центра, – ее биологические брат и сестра, Стивен и Элли. С нашей последней встречи они повзрослели и подросли, но в целом не изменились внешне. Вопросом о них Кортни застала меня врасплох, и я ответила на него своим:

– Ты уверена, что хочешь сейчас остаться на фильм? Можем уйти и поговорить, если пожелаешь, – положив свой пакет с попкорном на колени, я посмотрела ей в глаза.

Помолчав немного, она сказала:

– Нет. Поговорим после кино, – как раз в этот момент погас свет, и на экране замелькала реклама.

Весь фильм я думала над вопросом Кортни и гадала, как быть, если вечером она попросит рассказать ей всю историю ее удочерения.

Может, она и считает, что готова. А я? Как мне ей рассказать? Я почти не следила за фильмом – я молилась.

Оркестр грянул крещендо: фильм подходил к концу. Зажгли свет, я вслед за Кортни вышла в фойе кинотеатра, затем на улицу. По пути к парковке мы не сказали друг другу ни слова. Так же молча мы сели в машину и пристегнулись.

– Ну что, понравилось кино? – спросила я, повернув ключ.

Кортни вдруг разрыдалась, и я обхватила ее, крепко-крепко.

– Что? Что случилось? – я прижала дочку к себе и не отпускала.

– Я... я просто... – всхлипывала она, пытаюсь объяснить.

– Растерялась? – подсказала я.

– Да, – она плакала так, словно кто-то разбил ей сердце.

Сжимая ее в объятиях, я зашептала:

– А давай знаешь что? Мы сейчас поедem домой, наденем наши пижамки, устроимся в моей постели и поговорим. Ну как, согласна? – Я не разжимала объятия ни на миг, ожидая ее ответа.

Не в состоянии говорить, она только кивнула и вытерла слезы. Пока мы ехали домой, я думала, что этот вечер изменит всю нашу жизнь. Готова ли Кортни выслушать всю правду? Готова ли к ответам на все вопросы, которыми она столько лет задавалась мысленно?

Мне хотелось, чтобы она сумела увидеть, как ее историю озаряет свет Бога, но прежде она должна была услышать о мраке.

Готова ли я сама рассказать ей?

I. Прибавление в семье

1. Простое «да»

Судьбоносные дни редко приходят под грохот фанфар.

Лишь по прошествии времени я вижу, как одно краткое «да», сказанное теплым июньским днем 1996 года, повлекло за собой целый поток жизненных решений и перемен, нестерпимой боли и невероятной радости. Выбор, сделанный в пользу этих решений, не только изменил состав нашей семьи, но и вытолкнул меня за привычные рамки и усилил мою веру, до неузнаваемости преобразив ее. Я на своем опыте убедилась, что значит недооценивать деяния Бога, вызванные простым «да».

Помню, я тогда закинула в машинку белье и прибиралась в кухне, слыша, как шумят в гостиной дети, и вдруг зазвонил телефон.

– Привет, Деб, это Эллен, – обычным дружеским тоном поздоровалась со мной сотрудница из Управления по делам семьи (УДС). К тому времени мы с Элом были патронатными родителями уже четырнадцать лет и знали по именам чуть ли не всех сотрудников службы опеки.

– Деб, я насчет ваших подопечных... У вас же там скоро двое братишек уезжают, верно? Может, возьмете девочку? Малышка, четыре дня от роду. Мать прокесарили, так и лежит в больнице. Судя по тесту, принимала кокаин. И сама, и ребенку давала. Мы пока разбираемся, будет расследование, и надо на время отдать девочку в приемную семью.

– Конечно, возьмем! – Это «да» далось мне просто. Я не могла дождаться, когда сообщу новость своей двенадцатилетней дочери Хелен. Она обожала нянчиться с малышами, а нам уже давно не выпадал такой шанс.

– Отлично! Когда приедете в больницу, подойдите на сестринский пост. Третий этаж.

Эллен знала нашу предысторию – что мы и раньше охотно воспитывали приемных малышей, в том числе и тех худышек, которые никак не могли набрать вес. Пьющие матери, матери-наркоманки... беременные, они пичкали себя всякой дрянью, и это тяжким бременем ложилось на детей. У нас и своих детишек было пятеро, трое все еще жили дома, так что приемные малыши были в прямом смысле окутаны нашей любовью. Моей Сэди было пятнадцать, Чарльзу – десять, и оба они, как и Хелен, во-первых, отличались чуткостью, а во-вторых, уже приобрели немалый опыт в уходе за детьми, а я гордилась тем, как мои родные дети заботятся о подопечных. (Наша старшая, Элизабет, училась в Техасе, в колледже при Техасском университете А&М, а Джейсон, старший сын, служил на базе ВВС США в Германии.)

Через пару часов, когда я управилась с домашними делами и все пообедали, мы с Хелен отправились в Каспер – минут двадцать пять, если на машине.

В больнице Хелен рванула к лифту, и едва двери успели открыться, метнулась к панели приказа: «Какой этаж?» Ее пальцы замерли у самых кнопок: казалось, она готова нажать их все сразу, если это поможет нам быстрее подняться к малышке. Меня тоже охватило радостное волнение – но к нему примешивалась и тревога. Как повлияли наркотики на организм малышки? Как нам о ней заботиться?

Да что этот лифт ползет как черепаха?

Наконец двери открылись.

У поста нас встретила медсестра.

– А мы вас ждем. Пойдемте, мы дадим вам все необходимое, чтобы увезти ребенка домой.

В детской палате, в люльке под теплыми лампами, лежала крошечная девочка, завернутая в детское хлопковое одеяльце в белую и бледно-зеленую полоску. Хелен взвизгнула, увидев розовый бантик в черных кучеряшках, слегка

изобразила вигл-дэнс и погладила лобик ребенка.

Медсестра рассмеялась.

– Скоро будет у вас, баюкайте сколько душа пожелает. Ей если что сейчас и нужно, так это ласка да любовь.

Она вручила мне кипу памяток и бланков и забрала у меня водительские права – сделать копию. Бумаги я заполнила быстро.

– Она прелесть, но имейте в виду, – медсестра посерьезнела, – наркотики так просто не отпускают. Последствия будут еще несколько дней, а может, и недель.

– Насколько тяжелые у нее симптомы? – спросила я.

– Дрожит временами. Плачет без удержу, но в таких случаях лучше дать ей успокоиться самой. Запеленайте в одеяльце, прижмите к себе и держите. Ей, кажется, помогает укачивание, пение и ласковые слова.

– Это мы сможем, – пообещала я.

Хелен кивнула так, словно брала на себя личную ответственность за выполнение всех указаний. В этот момент в палату вошла еще одна медсестра.

– Мать ребенка хотела бы познакомиться с вами, – сообщила она.

– Не хотите – не нужно, – вмешалась первая медсестра. – Если что, мы ей сами все скажем.

– Нет, я схожу. Можно к ней сейчас?

Хелен была только рада остаться с малышкой.

Я прошла вслед за медсестрой в больничную палату, где молодая кудрявая брюнетка с матово-бледным лицом пила газировку из банки, лежа на

больничной койке.

При виде меня она поставила банку на поднос и попыталась сесть: стиснула зубы, зажмурилась и оперлась на спинку кровати. По ее лицу я поняла, что после кесарева нют швы, и ей безумно больно.

Я встала у изножья кровати.

– Привет, я Дебра. На время я беру вашу малышку под опеку. У вас такая красивая дочь!

– Спасибо, – отрывисто бросила она и отвела взгляд. – Я пару-тройку недель поживу у родителей. Молоко буду сцеживать и ставить в заморозку. Вы согласитесь приехать за ним? – Она взглянула на меня и сразу же отвернулась снова. – Мне бы очень хотелось, чтобы ей доставалось мое молоко.

Я видела, как трудно ей смотреть мне в глаза. Она, вероятно, видела во мне часть системы, отнимающей ее ребенка, – так часто реагируют родные матери, когда УДС решает отдать ребенка в приемную семью. На ее месте я бы чувствовала себя ужасно.

– Я поговорю с сотрудником Управления и выясню, возможно ли это, – я улыбнулась, надеясь убедить ее, что я не враг. – Как ее зовут?

– Элли, – кровь слегка прилила к ее лицу, и мать опустила голову. Ее прежнее раздражение исчезло. На простыне, укрывшей колени, оставались следы ее слез.

«Да, нелегко ей, – мелькнула мысль. – Только родила, вроде отмучилась, а тут уже и дочку отдают неведомо кому».

– А как вас зовут? – спросила я.

– М-м... Карен Бауэр, – сказала она.

– Рада познакомиться, Карен.

Медсестра выразительно взглянула на меня и начала потихоньку отступать к двери. Я вышла следом и вернулась в детскую, где Хелен не отходила от малышки ни на шаг.

- Ну, давайте собираться, и поедem домой, - сказала я с улыбкой.

Сестра протянула мне права и планшет с листком, я расписалась, малышку мы устроили в детском автокресле, которое привезла в больницу ее мать, и пошли к лифту.

Когда мы выехали с больничной парковки, уже близился вечер. В родильном отделении нам дали смесь для кормления и пакет с образцами детского крема, шампуня и мази от опрелостей, но мы с Хелен все равно заехали в Target - купили там пижамки, маечки для новорожденных и подгузники.

Когда мы прибыли домой и Сэди с Чарльзом, в свою очередь, принялись с восторгом носить Элли на руках, я достала из шкафа плетеную колыбель и собрала постельное белье в стирку. В этой колыбельке уже довелось сладко поспать многим малышам. Теперь пришла очередь Элли.

Мы с Элом делили и радости, и трудности положения приемных родителей: трудности мы одолевали, а радостям - радовались. К тому времени, как в нашем доме появилась Элли, под нашей опекой уже побывало где-то сто сорок детей - одни задерживались всего на одну ночь, другие - на недели или на месяцы, а некоторые - даже на годы.

Своих первых приемных детей мы взяли в 1982 году. К тому времени мы уже три года жили в браке - в статусе смешанной семьи с тремя детьми. (В последующие несколько лет у нас появилось еще двое родных детей.) В нашей взрослой жизни отношения с Богом до тех пор не играли заметной роли. Эл был воспитан в условно католических традициях: его мать была католичкой, а отец вырос в семье лютеран. Семья редко посещала церковь. Я росла под влиянием пресвитерианства и в детстве бывала в церкви довольно часто, но, когда повзрослела, мои родители посещали ее все реже и реже. Семью, в которой я

выросла, я часто называла «церковно-дисфункциональной». Мои родители развелись, когда мне было восемь, и если мы с тех пор и посещали церковь, то не чаще раза в месяц.

Когда мы с Элом поженились, мы приходили в местную церковь на свадьбы, на похороны и на особые праздники, скажем, на Рождество и на Пасху. Но ее посещение вовсе не входило в распорядок наших недель. Впрочем, мы с детьми молились за обеденным столом и перед отходом ко сну. А в 1980 году я вдруг захотела примкнуть к пролайферам. Церковь, в которой мы бывали, не разделяла моих взглядов, и я разослала письма другим церквям в округе, чтобы выяснить, какие из них поддерживают пролайферов. Откликнулась лишь одна – маленькая баптистская церковь. Я решила время от времени водить туда детей. Эл с нами не ходил – он вообще особо не посещал церковь.

Однажды вечером в 1982 году мы с Элом смотрели телевизор и увидели рекламу: в ней говорилось, что сообщество остро нуждается в семьях, принимающих под свою опеку детей, которые по разным причинам страдают от жестокого обращения или пренебрежения родителей. Мы переглянулись и согласно решили: раз у нас есть уютный дом, еда на столе и место в сердце, мы можем поделиться всем этим с обездоленными детьми. На следующий день я съездила в местный офис УДС и заполнила заявление для кандидатов в приемные родители. Потом собеседования, жилищная инспекция – и мы получили нашего первого подопечного мальчишку.

Сперва мы критически относились к родителям, опекунам и родственникам, которым полагалось бы нести ответственность за ни в чем не повинных детей, а самих себя видели в роли временных спасителей малышей, которых обижают и которыми пренебрегают. Мы не задумывались о том, почему это происходит: может, для пьяниц и наркоманов это нормально – так жестоко относиться к детям, а может, их тоже били в детстве, или у них жизнь тяжелая, вот они и злятся. Нам такие родители казались беспредельным бессовестным злом. Мы на все смотрели просто, и пусть мы не понимали, что именно заставляло людей совершать подобные поступки, мы искренне пытались вмешаться и помочь детям, которых родители били и истязали – или о которых, в лучшем случае, просто не заботились.

Одного из первых младенцев, переданного под нашу с Элом опеку, спасли из машины в возрасте пяти дней от роду. Бросив его в машине в жаркий день, мать прихватила свои наркотики и сбежала. Ее арестовали, но о ребенке полиция узнала только после того, как приятель пришел внести за нее залог. Малыш выжил чудом и месяц пролежал в больнице, прежде чем мы смогли забрать его домой.

У другого младенца от истязаний растрескался череп. У детей на теле были ожоги от сигарет и следы побоев. Понимая, как страдали эти беспомощные малыши, наши дети приходили в ярость. Они эхом выражали наши собственные мысли – от «людей, которые это натворили, надо посадить в тюрьму на всю оставшуюся жизнь» до «избить их кнутами! Самих бы их сигаретами! Расстрел! Электрический стул!» Для таких людей наши дети не находили ни жалости, ни прощения. И мы сами, особенно в первые годы, часто ловили себя на том, что разделяем их чувства.

Но в 1986 году, после четырех лет, проведенных нами в роли приемных родителей, наша жизнь изменилась до неузнаваемости. Эл начал пить. Я не смогла с этим справиться и растерялась. Мы видели, как рушится наш брак, и боялись развода. А вскоре после того, как Эл решил пройти лечение от алкоголизма в клинике, я узнала, что беременна.

Однажды в воскресенье, пока Эл еще проходил курс лечения, я повела детей в церковь и вместе с ними прослушала проповедь на пятую главу Второзакония, где говорится о «вине отцов». Через эту проповедь Бог привел меня к смирению и спасению. Я осознала, как повлияли на мою жизнь грехи моих родителей, дедов и предыдущих поколений – озлобленность, злопамятность, похоть, алчность... Я по-новому взглянула на эти грехи, на их влияние, и поняла, что мы с Элом будем отвечать за грех всего поколения, который даст плоды и повторится, если этому не помешать. Жертва Иисуса Христа дала возможность разорвать эту цепь проклятий. Если я исповедаю свой грех, то буду очищена «от всякой неправды» (1 Ин 1:9). Я выбрала Иисуса, помолилась о том, чтобы череда грехов и проклятий, которые я воплощала в жизнь, прервалась, и его кровью получила прощение и была очищена.

Я не подозревала, что и Эл, пока лечился, прошел свой путь в поиске веры. Когда мы с ним рассказали друг другу о нашей вновь обретенной вере, мы решили довериться Господу – пусть Он создаст и новую жизнь в нас, и новый

брак для нас. После рождения Чарльза мы с Элом сказали всей семье о том, что решили посвятить свою жизнь Иисусу. После лечения Эл не прикасается к спиртному и живет ради Христа. С тех пор Бог привел нас в мир испытаний, в которых укрепилась наша вера, и призвал нас на служение.

Как только мы узнали истину о грехе, исповеди, прощении и духовном росте, мы поняли, что должны заботиться и о наших родных детях, и о тех, которые появлялись в нашем доме, не только физически и душевно, но и духовно. И все стало иным. Мы увидели, что обязаны служить этим детям истиной, способной даровать свободу им и даже их родным. Мы могли сыграть свою роль в том, чтобы наши дети тоже посвящали жизнь Христу, независимо от того, как много времени мы могли уделить каждому ребенку. Нам надлежало посвятить жизнь будущему и упованию на Христа всеми возможными путями, поэтому мы обязались всей семьей посещать церковь по воскресеньям, сделать молитву центром нашей жизни и включить в распорядок чтение Библии нашим детям.

Кроме того, мы осознали, что должны принять любовь, которую дарует нам Бог, и в свою очередь одарить ею тех, кто представляется нам недостойными ее – жестоких и нерадивых родителей. Я все гадала: как можно полюбить родителей тех детей, которые нуждаются в заботе приемной семьи? Как смириться с мыслью, что я ни в чем не превосхожу их и что все мы сделаны из одного теста? Этого я не знала, но страстно желала, чтобы Бог сотворил такое чудо во мне. И понимала: понадобится не что иное, как чудо, чтобы наполнить мое сердце такой любовью, прощением и милостью.

Я прошла значительную часть своего пути, пока писала тексты по изучению Библии для Центра помощи при нежелательной беременности, где я работала; тексты были призваны помочь некоторым из наших клиенток справиться с последствиями пережитого сексуального насилия. Я сама прошла через такое в юности и хотела, чтобы истина Божья преобразила меня. Пока я писала эти тексты, Бог показал мне, что именно у Него есть ответы и что надежда обрести понимание и исцеление от кого-либо еще, кроме как от Него, ничтожна. Эта изданная своими силами работа по изучению Библии была названа «Тайные грехи» (Secret Sins), к ней обращались многие священники, проводя душеспасительные беседы, а также те, кто хотел найти в Библии ответ на вопрос: откуда в их жизни столько насилия?

Обретая личный опыт приобщения к Иисусу, его прощению и Библии, мы с Элом исходили из такого убеждения: если всепрощение присуще Богу, то и нам надо

научиться всепрощению. Мы поставили друг перед другом задачу найти в сердце прощение для жестоких родителей. Нет, обращение в веру далеко не сразу успокоило наш гнев и желание воздать виновным по заслугам. Мы не видели никаких оправданий подобному поведению, но, пусть это и было тяжело, мы старались внутренне переменить свое отношение к таким родителям – и просили на это силы Божьей.

Нам так и не стало легче видеть страдающих детей, особенно тех, кто страдал по вине их родителей, мы тревожились всякий раз, когда ребенка отправляли домой после того, как родители послушно «прыгали через обруч», выполняя предписания суда. Ужасно, но изнасилованных детей зачастую отсылали если не к родителю, виновному в этом насилии, то к тому, кто вряд ли мог бы защитить ребенка от очередного бойфренда или родича, способного проявить насилие к детям. Однако в конце концов мы поняли: хоть нам и не под силу изменить ущербную систему, мы призваны быть причастными к жизни этих детей и их родителей так долго, как позволит Бог, и показать им любовь, заботу и другой образ жизни. Мы научились объяснять детям, что именно так устроен наш мир и что нам остается лишь играть свою роль.

В конце концов мы поняли: хоть нам и не под силу изменить ущербную систему, мы призваны показать этим детям любовь, заботу и другой образ жизни

Лишь позже я узнала: когда ты призван сыграть, казалось бы, невозможную роль, Бог способен сделать ее возможной.

Первые двадцать четыре часа пребывания в доме нашей новой подопечной пролетели незаметно. Стоило Элли проснуться, как она оказывалась у кого-нибудь на руках.

К счастью, Элли не выказывала никаких признаков недобора веса. С первого же дня она вела себя активно и реагировала на внимание к ней. Однако у нее все же проявлялись симптомы наркотической абстиненции, и не раз. Широко

раскрывая глаза, она размахивала крошечными ручонками, словно в испуге, а потом разражалась плачем. Иногда ее била дрожь, вызывая новые приступы рыданий. Мы делали все что могли, подкладывали ей теплые бутылочки, баюкали ее, пели ей колыбельные. Когда ей пела я, она смотрела на меня и шевелила губками, словно была уже готова запеть вместе.

В тот же день, когда мы привезли Элли в наш скромный загородный дом на Гуз-Эгг-роуд, мне снова позвонила Эллен.

– У малышки, которую вы взяли под опеку, есть братья и сестры, которым тоже нужна приемная семья. Родители Карен уже растят самую старшую, но не могут взять их всех.

– Сколько же их всего?

У меня были свободны четыре детских кроватки: уехавшие к маме братишки освободили две.

– Четверо, – ответила Эллен. – Шестилетний мальчик, две девочки, четыре и пять, и еще один мальчик, трехлетний. Если согласитесь, надо приютить их со следующей недели на десять дней. Сейчас все они живут у родни, по разным домам. Сможете принять всех четверых?

Я знала, что мне незачем советоваться с Элом, потому что он согласится с моим решением. Мы еще давным-давно условились: если у нас есть комната и свободные кровати, двери нашего дома всегда будут открыты для детей.

– Разумеется! Привозите всех!

Еще одно «да» – казалось бы, простое.

2. Дом на Гуз-Эгг-роуд

На следующей неделе дети семьи Бауэр постепенно воссоединились, и не раз в нашей гостиной царили смех и объятия. Первым, через два дня после того, как

мы вернулись домой с Элли, появился трехлетний Эндрю, за ним – Кайл (6 лет) и Кайра (5 лет). А когда 30 июня приехала четырехлетняя малышка Ханна, семья наконец была в сборе.

Наблюдая радостную встречу Ханны, мы с Элом переглянулись: вот из-за таких моментов нам так нравилось брать под опеку детей из одной семьи. Они чуть ли не ликовали оттого, что снова были вместе. Торжественный момент настал. Я сходила в главную спальню за спящей малышкой и принесла ее в гостиную.

– А вот и ваша новорожденная сестренка, – прошептала я и встала на колени рядом с Ханной, чтобы ей было лучше видно. – Ее зовут Элли.

Глаза Ханны сияли от радостного изумления. Она осторожно погладила крошечную ручку младшей сестры.

Привозя подопечных детей к себе в дом, мы всегда старались первым делом оказать им радушный прием и дать им почувствовать, что они – наша семья. И дети семьи Бауэр не стали исключением. Ханне, как и всем ее братьям и сестрам ранее на той же неделе, мы показали ее новую спальню с четырьмя детскими кроватками – уютную комнату на первом этаже, которую мы называли «маленькой». Эндрю объяснил, где чья кровать, и тут же запрыгал на своей, стоящей в углу, так что пришлось утихомиривать его. К счастью, достаточно было пообещать ему печенье, и он отправился со всеми на кухню.

Троим из наших родных детей, еще жившим дома – Сэди, Хелен и Чарльзу, – все это было знакомо и привычно. Они понимали: требуется время, чтобы новые подопечные почувствовали себя в доме свободно. Элли чувствовала, как вокруг нее «бушуют вихри», и беспокойно ворочалась. Хелен приготовила ей бутылочку и покормила, пока все мы болтали и лакомились печеньем с шоколадной крошкой.

Тем вечером я, как обычно, обошла детей одного за другим, чтобы помолиться вместе с ними на сон грядущий. К Ханне я подошла в последнюю очередь, чтобы она сначала посмотрела, как я молюсь за каждого из ее братьев и сестер. Наконец я встала на колени возле ее кроватки.

– Ханна, в нашем доме мы молимся, и сейчас я бы хотела помолиться за тебя. Ты согласна?

Она кивнула.

– Господи Боже, благодарю тебя за то, что привел Ханну в наш дом, чтобы мы смогли показать ей Твою любовь. Помоги ее маме прийти к Тебе, чтобы она смогла стать лучшей мамой для своих детей, насколько это в ее силах. Мы любим тебя, Господи. Аминь.

Я поцеловала ее в лоб, как целовала ее братьев и сестер, чуть позже уложила спать наших родных деток, а потом и сама легла в постель и прижалась к Элу.

Прежде чем уснуть, я мысленно помолилась еще раз, поблагодарила Бога за то, что он привел детей Бауэр в наш дом, и попросила через нас явить им Его любовь. И мне вспомнился мальчик, которого мы опекали несколько лет тому назад. Его звали Брэндон.

Впервые созваниваясь с нами по поводу Брэндона, сотрудница социальной службы объяснила, что хоть ему всего пять лет, его уже несколько раз помещали в специальные учреждения: мать не могла с ним совладать.

– Он сейчас на трех препаратах. Мы подключили доктора и социального педагога, пытаемся решить все с лекарствами, чтобы вернуть его домой. Не возьмете его к себе, пока мы тут со всем разберемся?

– Конечно, привозите. Поможем чем сумеем, – ответила я.

Брэндон словно сошел со страниц книги сказок: светловолосый, короткая стрижка на косой пробор, носик в веснушках...

– О Брэндоне вам надо знать прежде всего одно, – сказала перед отъездом социальный работник. – Он не желает, чтобы кто-нибудь прикасался к нему. Его нельзя трогать.

Брэндон умел причесываться сам, если помочь ему с пробором, и я, делая это впервые, всеми силами старалась его не задеть – но пару раз все же нечаянно касалась его, и он резко отшатывался.

В то время в «маленькой комнате» с детскими кроватками на первом этаже у нас жили две подопечные девочки, поэтому кровать для Брэндона мы поставили наверху, в комнате Чарльза, где жили еще двое мальчишек. Но лег он только тогда, когда мы переставили его кроватку на середину комнаты, как можно дальше от других.

В ту первую ночь он следил за тем, как я укрывала одеялами других мальчиков и Чарльза. Я молилась за них, касаясь ладонью, целовала каждого в лоб и шла к следующему. Брэндон наблюдал за каждым моим движением, и я не могла не заметить его тревоги. Закончив молиться за остальных, я подошла к нему – укрыть. Он поднял руки, потом положил их вдоль тела поверх одеяла, не сводя с меня глаз.

– Брэндон, в нашем доме мы молимся, – почти прошептала я, стоя возле его постели на ногах, а не на коленях. – Ничего, если я помолюсь над тобой? Трогать не буду.

Он молча смотрел. Я подняла руку высоко над его грудью и закрыла глаза.

– Дорогой Иисус, спасибо Тебе за то, что привел Брэндона в наш дом. Благодаря Тебе он теперь в безопасности. Помоги ему не бояться и узнать, что Ты любишь его. Дай ему сегодня увидеть сладкие сны. Аминь.

Я открыла глаза и увидела пристальный взгляд мальчишки.

– Спокойной ночи, Брэндон.

Как бы мне ни хотелось поцеловать его в лобик, я понимала: нельзя – и просто улыбнулась ему и вышла из комнаты.

Я понятия не имела, что пережил Брэндон за первые пять лет своей жизни. Мне оставалось только верить его воле Божьей и уповать на то, что мой Небесный Отец поможет мне любить этого малыша так же, как его любит Он. Вечер за

вечером я повторяла один и тот же ритуал, и Брэндон все так же напряженно следил за каждым моим движением.

Через несколько дней я решила встать на колени возле его постели, но чуть поодаль.

– Я знаю: ты смотришь, как я прикасаюсь к другим детям, пока молюсь за них. Мне хочется, чтобы они чувствовали мою любовь и любовь Иисуса. Прикасаться к тебе я не буду. Просто подержу ладонь над тобой – вот так. – Я подняла ладонь на пол-локтя над его грудью. – Так можно?

Брэндон кивнул, и я прочла молитву.

Еще через две недели я спросила его, можно ли мне держать ладонь ближе к его груди, и он снова кивнул.

Потом, однажды вечером, молясь с закрытыми глазами и держа руку на высоте нескольких дюймов от груди Брэндона, я почувствовала, как его ладошка накрыла мою. Он тихонько тянул мою руку вниз, пока та не легла ему на грудь. Я едва не заплакала, но собралась с духом и продолжала молиться: мой голос не дрогнул. Чувствуя, как колотится маленькое сердечко, я произнесла:

– Господи, молю Тебя, коснись сердца Брэндона. Дай ему знать, как Ты любишь его. Аминь.

Я открыла глаза. Брэндон смотрел на меня, прижимая к груди мою руку. Мы смотрели друг другу в глаза где-то с минуту, и потом я легонько погладила его по руке.

– Спокойной ночи, Брэндон.

Мне хотелось танцевать, петь, разбудить всех, кто есть в доме, возгласить о невероятном успехе, но пришлось удерживать ликование в глубине души и молча выскользнуть из комнаты.

На следующий вечер, встав на колени у постели Брэндона, я держала руку почти у самой его груди. Но я даже не успела закрыть глаза: он притянул мою ладонь к

себе и не отпускал, пока я не завершила молитву – и в этот вечер, и в следующий, и в следующий...

А потом, в конце той же недели, когда я мягко высвобождала руку, Брэндон вдруг коснулся своего лба. По глазам я видела: он ждал чего-то – но я сперва не поняла.

– Что такое, Брэндон?

Он снова коснулся своего лба, и я прослезилась. Он хотел, чтобы я поцеловала его!

– Ты разрешаешь мне поцеловать тебя в лоб?

Он кивнул, и я его поцеловала. И каждый вечер в те несколько месяцев, пока Брэндон жил с нами, вечерняя молитва завершалась поцелуем в лоб на сон грядущий – поцелуем для мальчика, к которому нельзя прикасаться.

Чтение молитвы над нашими детьми, родными и подопечными, всегда было для меня великой ответственностью и честью, но Брэндон показал мне, что это еще и знак священного долга.

«Господи, – мысленно молилась я, лежа в объятиях Эла и вспоминая Брэндона, – через нашу семью яви свою любовь Кайлу, Кайре, Ханне, Эндрю и Элли. Дай им понять, что их любят от всей души».

Июль чудесно подошел для появления детей Бауэр в нашем доме. У Хелен, Сэди и Чарльза шли школьные каникулы, они могли помочь мне с малышами. За годы мы убедились, что дети, внося свою лепту в жизнь семьи – то там помог, то тут, по годам и по силам, – чувствуют себя частью семейного круга, и это чудесный путь.

Мои родные дети учили подопечных. Утром – заправить постели и убрать в комнатах. И каждый день – сюрприз, сюрприз! – надо чистить зубы, причесываться и одеваться. Кайра и Ханна помогали Хелен и Сэди собирать по комнатам белье в стирку, я стирала, складывала вещи в стопки, и дети снова разносили их по комнатам и раскладывали по кроватям. Кайл и Эндрю помогали Чарльзу выносить мусор, подметать гараж и дворик, пылесосить. Трехлетний Эндрю пылесосить просто обожал и, сияя от гордости, возил туда-сюда щеткой. Конечно, надолго его не хватало, но с небольшим участком, который ему доверяли, он справлялся прекрасно. После трапез дети помогали убирать со стола, а Хелен и Сэди вместе со мной наводили порядок на кухне.

Каждую неделю я перераспределяла обязанности, уча детей всему, что нужно для чистоты и порядка в доме. Все добросовестно трудились всю неделю, и потому в субботу утренняя уборка завершалась очень быстро, сразу же после завтрака для всей семьи. В конце недели каждый ребенок получал карманные деньги за выполненную работу. Я видела, как гордились собой дети Бауэр, когда я выдала им первую «награду» за труд.

После этого у них появились и новые причины радоваться работе. Я видела: им было чем гордиться, ведь теперь у них тоже была работа – как и у нас. Так мы учили всех наших подопечных – кроме тех, кто был слишком мал для участия в общих делах. Для многих наш дом становился первым, где и взрослые, и дети имели свои обязанности и учились заботиться о себе.

Мы с Элом объясняли, что наша работа вне дома – это часть наших взрослых обязанностей. Эл отвечал за кейтеринг в Центре проведения мероприятий Каспера, и у него был удлиненный рабочий день. Я несколько дней в неделю работала в христианском кризисном центре помощи беременным. Центр тоже находился в Каспере, и почти десять лет я была его директором, приступив к работе через год после обращения в христианство.

Еще я была добровольной мирянкой-капелланом в Дисциплинарном исправительном центре округа Натрона – по сути, тюрьме, расположенной километрах в двадцати от нашего дома. Меня вызывали к заключенным, требовавшим капеллана, а кроме того, раз в две недели, перед работой, я проводила для заключенных общие занятия по изучению Библии. Несколько раз в год я выступала в Женском исправительном центре штата Вайоминг – то была женская тюрьма в городке под названием Ласк, в полутора сотнях километров от нас. Бог наделил меня состраданием к заключенным.

Перед едой, будь то дома или в ресторане, мы всей семьей брались за руки и благодарили Господа за его милость и за еду. Уже в первые недели в нашем доме Эндрю охотно «моился» всякий раз, когда представлялась возможность. Обычно он первым протягивал руки соседям по столу, улыбался и говорил: «Давайте помоимся».

Я купила Ханне и Кайре несколько летних платьев, а мальчикам – элегантные рубашки, чтобы ходить в них в церковь по воскресеньям. Несколько раз они побывали в храме вместе с нашей семьей, а потом стали увереннее и ходили в воскресную школу уже сами. Среди прихожан нашей церкви много искренних и добрых людей, и дети откликнулись на проявленное к ним радушие и теплый прием.

Походы в бассейн, пикники в парке на горе Каспер, беготня по двору сквозь брызги оросителей, барбекю за домом, вечерний телесеанс под попкорн – так и пролетело лето. Фейерверки в День независимости, озарявшие все небо вокруг, привели детишек в восторг; понравился им и ежегодный парад, устроенный в Каспере. Улицы в тот день перекрыли, городские заведения открылись только в полдень, и местные толпились вдоль живописных центральных улиц: устраивались на раскладных стульях, ставили рядом коляски с детьми, а от палящего солнца спасались холодными напитками и мини-зонтиками.

После парада была еще Центральная Вайомингская ярмарка с родео. Дети Бауэр никогда не бывали на ярмарке и пришли в такой восторг, что мы ходили туда каждый день. Они радовались и аттракционам, и сладкой вате, подбадривали воплями ковбоев на быках и необъезженных конях, болели за девушек-наездниц, устроивших скачки вокруг бочек. Я кричала громче всех, подсакивала на месте, визжала – ничего подобного дети Бауэр от меня явно не ожидали.

Однажды летним утром, пока почти все мы еще сидели за столом, заканчивая завтрак, в кухню ворвался Кайл.

– Там во дворе громадные лошади! – завопил он, и все кинулись из кухни ко входной двери.

Наверное, опять першероны.

И действительно, два соседских тяжеловоза ухитрились удрать из конюшни и забрести на нашу территорию. Пока я звонила соседям, дети Бауэр подобрались поближе – рассмотреть великолепных животных. Хелен следила за тем, чтобы все держались на безопасном расстоянии и говорили тихо.

Чарльзу нравилось верховодить в играх на свежем воздухе – ему нравились прятки, «сыщики и воры» и ковбойские забавы, и он водил всю компанию в походы по нашим десяти акрам. За столом дети развлекали нас рассказами о том, как видели парящих орлов или пасущихся чернохвостых оленей и антилоп; вечерами мы все вместе сидели во дворе за домом, смотрели на звезды и слушали, как воют койоты. Я была в восторге от того, что жизнь за городом казалась детям удивительным приключением.

Как и большинство наших подопечных, Бауэры хорошо вели себя в первые несколько недель – «медовый месяц», – а потом начался период испытаний, но, к счастью, ничего из ряда вон выходящего не случилось. Ссоры из-за игрушек, редкие вспышки раздражительности, обидные слова, сказанные друг другу или нашим детям... Годы опыта научили нас воспринимать все это без лишних волнений. Мы научились сохранять спокойствие, быстро вмешиваться, объяснять, что именно недопустимо в нашем доме, и двигаться дальше в надежде на лучшее. Опыт – хороший наставник, и наши родные дети, годами служившие образцом хорошего поведения, были нам надежными союзниками. За годы у нас порой были на редкость трудные подопечные, и Бауэры по сравнению с ними оказались довольно покладистыми.

Необычайно помогло и то, что все Бауэры были младше наших детей. Когда мы только приняли на себя роль приемных родителей, то по наивности своей брали под опеку и детей постарше, и подростков. Увы, на горьком опыте мы убедились, что для нашей семьи это не подходит: трудные дети плохо влияли на наших. Однажды летом у нас жили пятеро девочек-подростков. Одна постоянно создавала проблемы, наши дети недолюбливали ее – впрочем, как и четверо подопечных. Мы с Элом решили отправить их всех на неделю в христианский лагерь – и объяснили: если кто там провинится и будет исключен, ему придется отправиться в другую приемную семью. По нашим расчетам, это должно было стать серьезным предостережением для остальной четверки – но наш выбор

оказался далеко не самым мудрым. К сожалению, исключили вовсе не ту, за которую мы опасались, и нам было грустно видеть, как одна из четверки покинула наш дом.

Был и другой случай: девочка-подросток жила с нами несколько лет, и мы к ней очень привязались. Однажды она решила сбежать в другой штат вместе с друзьями из старших классов. Мы были просто убиты. Страдали и дети: нас отвергла та, кого мы любили – и про которую думали, что и она любит нас. Еще как-то раз жившие у нас девочки-подростки ночью выбрались из дома через окно – встретиться с какими-то мальчишками. Когда в два часа ночи полиция привезла их домой, девочки заявили, что в списке наших правил нет ни слова о запрете подобных поступков.

Одни дети хорошо у нас приживались, другие – нет, и приходилось решать, каким неудобствам мы готовы подвергнуть свою семью ради помощи подопечным. Разочарования для родителей, берущих детей под опеку, неизбежны. Мы узнали, что есть время и милосердию, и строгости из лучших побуждений, правда, строгость эта отражалась на всех нас, а не только на наказанном. Нам не нравилось, когда наши родные дети страдали, видя, как подопечные постарше усваивают свои непростые уроки. И после ряда подобных напряженных ситуаций, возникших в первые годы нашего патроната, мы решили никогда не брать под опеку детей старше наших, и польза от установления этих границ оказалась огромной.

Одни дети хорошо у нас приживались, другие – нет, и приходилось решать, каким неудобствам мы готовы подвергнуть свою семью ради помощи подопечным

Мы несколько лет брали к себе трудных детей и видели, как они меняются к лучшему, пожив с нами и увидев, что такое правила, порядок и любовь. Еще мы прошли курсы по оказанию подопечным терапевтической помощи – и получили право принимать в дом детей с отсутствием прибавки в весе, с плодным алкогольным синдромом и врожденной наркозависимостью, ведь теперь мы знали, как реагировать на особые потребности таких детей, как правильно их успокоить и когда обращаться за помощью, если не заметим улучшений.

Беззаботное лето подходило к концу. Из УДС сообщили, что Бауэры пробудут у нас как минимум всю осень, и мы занялись подготовкой к учебному году – отправились по магазинам закупать всем школьные принадлежности и одежду. Затем пришла очередь составить утренний распорядок и решить, как возить детей в школу и детсад – и обратно. Сэди училась в старших классах, Хелен это только предстояло, Чарльз пошел в шестой. Двое старших детей Бауэр учились в начальной школе, но в другой. В жизни Кайла и Кайры и так уже многое поменялось, и мы хотели, чтобы они вернулись в прежнюю школу, к друзьям и знакомым учителям. По утрам Ханна посещала занятия для дошколят по программе Head Start («Рывок») в центре Каспера, а Эндрю и Элли шли домой к Старле, нашей любимой няне. И теперь, что ни день, предстояло упаковать обед, проверить рюкзаки, усадить детей в нашу синюю «Тойоту Превиа» – и я начинала утренний развоз.

«Раскидав» детей по учреждениям, я ехала на работу в Центр помощи, где-то в полдень забирала Ханну и везла ее к брату и сестре, то есть в домашний детсад к Старле, где оставляла всех троих до конца дня, а после работы я снова объезжала те же учреждения – от детского сада до старшей школы, – собирала детей и везла домой. Искусством развоза я владела в совершенстве – когда никто не болел.

Начало осени с детьми Бауэр прошло так же гладко, как и лето. Редкие ссоры между братьями и сестрами быстро пресекались, виновные извинялись, обиженные прощали их. В будние дни по вечерам все были заняты уроками, а в выходные мы играли в настольные игры и все вместе смотрели телевизор. Иногда на длинный уик-энд приезжала Элизабет – и гоняла с детьми на старом пикапе по пустырю, заросшему полынью. Мы слышали их смех и крики, видели, как полыхают фары пикапа на каждом повороте и холмике. Джейсон уже служил в армии, Элизабет училась в колледже, но, когда они приезжали погостить, все дети устраивались с подушками, одеялами и попкорном на полу в гостиной и смотрели старые фильмы. Самыми любимыми у них были «Энн из усадьбы “Зеленые Крыши”», «Балбесы» и «Городской пустырь».

За долгие годы мы убедились: привычный семейный распорядок, ясные ожидания, любовь и смех – и все у вас в доме будет хорошо и гладко.

Ноябрь сменился декабрем, а дети Бауэр по-прежнему жили с нами. Когда начались первые снегопады, мы снова отправились за покупками – на этот раз за зимними пальто и теплыми брюками. А когда ударили первые настоящие морозы и начались метели, застекленная терраса превратилась в прихожую с аккуратными рядами сушащихся перчаток и сапожек.

В первую субботу декабря Эл достал из гаража коробки с рождественскими украшениями и принес их все в гостиную. Дети открывали коробки одну за другой, и по дому распространялась атмосфера Рождества.

– Скоро Рождество! – ликовала Ханна.

Я радостно наблюдала, как маленькие ручки вынимают из коробок блестящие шары, гирлянды и лампочки. Дети танцевали под «В Рождество повеселимся», звучащую по радио. Целый день мы украшали наш дом, готовясь к праздничному месяцу.

– А елка у нас будет? – спросила Ханна.

– А как же! Завтра и привезем, – ответил Эл, распутывая связку лампочек.

– Нарядать поможете? – я посмотрела на Ханну и детей.

И они ответили хором:

– Да!

Есть некая неразрывная связь между детьми и Рождеством. Любуясь сияющими от волнения личиками, я спросила:

– А вы знаете, что означает Рождество?

– Это когда Санта приходит и приносит нам игрушки, – ответила Ханна.

– Да, так мы празднуем этот день, но настоящий смысл Рождества в другом. Рождество – это чей-то день рождения. Вы знаете, чей?

Они недоуменно смотрели на меня.

– Это день рождения Иисуса, самый важный день рождения в мире. Вы знаете про Иисуса и его рождение?

Дети Бауэр переглянулись, рассчитывая, что кто-нибудь из них знает, но ответить не смог никто. Мои молчали, зная, что это поучительный момент.

– Иисус – Сын Божий. Он родился на земле, явился сюда, чтобы указать нам путь к Богу и объяснить, как надо жить.

Четыре пары карих глаз смотрели на меня пристально, словно говоря: «Ясно, продолжай».

Присев на пол, я открыла коробку, в которой мы хранили рождественский вертеп, и начала разворачивать одну за другой керамические фигурки.

– Иисус родился в яслях – вот в таких, – я положила фигурку младенца Иисуса на ковер перед нами. Дети побросали все дела и расселись вокруг. Разворачивая фигурки, я рассказывала, как все-все – Мария, Иосиф, пастухи, ангелы, волхвы и даже животные – собрались приветствовать младенца Иисуса.

– Вот это и есть настоящий смысл Рождества. Иисус явился, чтобы стать лучшим даром любви, какой мы только можем обрести в жизни. Мы делаем подарки, чтобы выразить нашу любовь к другим людям. Санта – это часть праздничного веселья, но настоящий символ Рождества – Иисус.

По-видимому, дети были довольны моим объяснением. Они брали в руки керамические фигурки и разглядывали их. Ханна взяла младенца Иисуса и принялась изучать его так тщательно, будто видела в этой фигурке что-то иное, особенное.

«Помоги им узнать Тебя, Господи», – молилась я.

Несколько дней спустя, уложив детей в постель, я свернулась под пледом на диване. В доме было тихо, только потрескивал огонь в дровяной печке. Я смотрела, как пламя танцует на поленьях за стеклянной дверцей. Эл читал, сидя в кресле.

Я вспомнила еще одну группу братьев и сестер, которых мы опекали годом ранее. С их матерью я познакомилась, когда наша церковь наняла ее присматривать за малышами в детской, пока шли службы. А через несколько лет, когда я уже работала в Центре помощи, эта женщина пришла туда ко мне и со слезами призналась, что беременна. С отцом ребенка она рассталась, дома ее ждали еще двое детей.

- Я просто не могу позволить себе этого ребенка, - плача, твердила она.

Я помолилась за нее и провела беседу, объясняя, что ей помогут и что аборт - не единственный выход. Альтернативой может стать усыновление.

- Но решение вы должны принять сами, - мягко сказала я.

Через несколько месяцев наш секретарь из приемной зашла ко мне в кабинет и сообщила, что мне звонят из Денвера с оплатой за мой счет. Это была та самая женщина. Она родила девочек-близнецов и возвращалась в Каспер. Я пообещала ей помочь, чем смогу.

Прошло несколько недель, и она привезла к нам в Центр своих близняшек. Малышки были красивыми и здоровенькими. Я предложила ей детскую одежду и другую помощь, чтобы встать на ноги. Она приходила еще не раз, и каждый раз я молилась вместе с ней, делилась Божьей любовью. А потом эта женщина пропала, и больше я с ней не виделась и не получала от нее вестей.

Шесть лет спустя, вернувшись однажды в воскресенье домой из церкви, я еще из-за двери услышала, что звонит телефон. Из УДС сообщали, что в полицейском участке находятся четверо детей из одной семьи, которых надо взять под опеку. Их мать арестовали по обвинению, связанному с наркотиками, и она потребовала, чтобы ее детей отдали только мне.

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/merk_debra/devochka-v-garazhe-real-naya-istoriya-priemnoy-mamy

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)